

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

ВОСКРЕСЕНЬЕ — ДЕНЬ РАБОЧИЙ

— Спокойно! Спокойно! Никто вас никуда не гонит, а вы мчитесь. Постарайтесь все, что я показал, сделать в стиле. У вас этот бег совершенно неестественный. Пропадают коньки. Перестаньте разговаривать! Сделайте осознанно, а то вы же ничего не понимаете, что делаете. Танцуйте в образе! Спокойно! Катайтесь на здоровье! Это же игра — катание! А у вас получается паника. Так! Очень много скачем. Никто не скользит, и все прыгают. Сделайте мне последнюю фигуру так, чтобы я вам поверил — вы на катке. Внимание, еще раз!

А ДЕЙСТВИТЕЛЬНО: попросите все сразу сделать — да так, чтобы привычный репетиционный зал с окнами на улицу Горького превратился в ледяное поле катка. Так, чтобы штраусовский вальс «завучал» не только под пальцами пианистки, а в движениях. И главное так, чтобы Игорь Александрович был доволен. Последнее самое трудное.

Лично мне трудно припомнить хоть одну (одну за долгие десятилетия существования Академического ансамбля народного танца СССР) репетицию, чтобы Моисеев, наконец, удостоил артистов похвалы. Он привык от себя самого требовать максимум. Так было и много лет назад, когда редкостно талантливый юноша мгновенно занял положение первого танцовщика в Большом театре, а немного времени спустя стал известен как хореограф — автор восхитительных «Трех толстяков» по мотивам сказки Юрия Олеши, один из авторов «Футболиста» — спектакля, смело вводящего на подмостки Большого академического темы и образы современные. И так же — предельно много требовал от себя, становясь первопроходчиком в никому до той поры не известной сфере — создавая высокое искусство народного сценического танца. Таким остается и сегодня — увенчанный званием Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, обладатель множества орденов — советских и иностранных, почетный член целого ряда академий... Сегодня воскресенье, но чтобы «воскресная встреча» осуществилась, надо ехать в ансамбль. Для Моисеева воскресенье — день рабочий.

— Игорь Александрович, что-то не помню этого номера...
— Естественно, номера, который вы видите, никто не может помнить по весьма простой и понятной причине: мы только заканчиваем постановочную работу. И понадобится еще длительный период репетиций, той шлифовки,

той отделки, без которой балетмейстерский замысел реализован не будет. Вы думаете, почему я так много с них спрашиваю? Во-первых, «эгоистически» — хочу, чтобы наши зрители сразу увидели и ощутили, что именно хотелось высказать в этом новом сочинении. А во-вторых, им же добра желаю: если вы заметили, состав этой миниатюры исключительно молодежный. Видите, сколько новых лиц — здесь занято самое юное поколение ансамбля, а мы всегда придаем огромное значение нашим исполнительским традициям — как-никак больше сорока лет потратили, чтобы оные традиции выработать. И потому мне представляется необходимым, чтобы молодежь, несомненно привнося в интерпретацию нечто неповторимое, свойственное исполнителю поколения 70-х годов, оказалась на уровне того сценического мастерства, реализма, осмысленности, которыми мы всегда чрезвычайно дорожили и дорожим в своем коллективе.

— Вот вы назвали свой «Каток» миниатюрой. А мне кажется, что это в сущности одноактный балет, не правда ли?

— Быть может, особенно, если учесть внушительный для нас хронометраж — двадцать минут. Во всяком случае, сама длительность номера требует от артистов серьезной профессиональной натренированности...

— Сколько длился процесс сочинения?

— Четыре дня.

— Так быстро?

— Ну, видите ли, для меня процесс сочинения отнюдь не исчерпывается теми четырьмя днями, которые я провел в зале, занимаясь постановочной работой. Есть замыслы, которые подолгу держат в плену воображение балетмейстера и ожидают своего осуществления. Когда ставился торжественный концерт к 60-летию Октября в Кремлевском Дворце съездов, я включил в программу новый дуэт для молодых солистов большого балета, Людмила Семеняка и Александр Годунов появлялись в образах конькобежцев, а между ними происходил своего рода «спортивный диалог». Однако то были лишь подступы к нынешнему номеру. Теперь вы уже знаете, что номер — групповой, тут занято множество исполнителей. Но обязательно будут и сложные виртуозные сольные куски (сегодня сольные места мы не репетируем). Вообще тот азарт негласного соревнования, который царит на катке, мне обязательно хотелось заложить в композицию.

— Вы знаете, этот азарт чувствуется даже сейчас, на черновой репетиции. А помимо такого «спортивного воодушевления», Игорь Александрович, даже здесь, в стенах репетиционного зала, уже очерчивается пространственное развитие, эволюция тан-

ца — его сложный и красивый рисунок. Как вы добиваетесь такого пространственного эффекта?

— Наверяд ли смогу объяснить «как», а «почему», объяснить постараюсь. Искусство композиции групп в пространстве, искусство располагать танцующих так, чтобы рисунок танца был логичен, живописен, не вымучен, подчеркивал динамику, одним словом — «нерукотворен», чтобы перестроения происходили с естественностью музыкальной кантлены, без каких-либо швов, для меня является вечным объектом внимания. Я придаю пространственному развитию композиции огромное значение и всегда с сожалением отмечаю, что современный балетный театр за редчайшими исключениями недооценивает важность этой стороны работы хореографа. Жаль, но среди наших сегодняшних постановщиков очень редко можно встретить людей, владеющих искусством композиции, групповых, массовых танцев, способных не формально, а образно и впечатляюще использовать в своих спектаклях кордебалет. Мне кажется так: не умеешь, постарайся выучиться! Изучай образцы творчества Михаила Фокина и Александра Горького. Вот воистину величайшие мастера сценической композиции, а притом заметьте, что по стилистике они в общем-то были антиподами. В общем, я полагаю, что учиться никог-

да не поздно и не бесполезно.

— Спорт не впервые становится объектом воодушевления в вашем творчестве. По сей день у любителей и читателей ансамбля сохранились живейшие впечатления о юмористичном, тоже дышащем воздухом стадиона, хореографическом полотне «Футбол». А почему теперь вы пригласили зрителей на каток?

— Видите ли, все, что я ставлю, всегда имеет эмоциональную основу в действительной жизни. Разумеется, балету присущи очень высокие степени условности. Но сие обстоятельство отнюдь не освобождает хореографа от необходимости считаться с миром реальным, со временем и его веяниями, с эстетическими нормативами своей эпохи... Напротив, с моей точки зрения, балетмейстер должен видеть реальность с особой зоркостью, с особой чуткостью. Только тогда балетная сцена освободится от унылых схематичных характеров, увя, еще не редких в иных спектаклях на современную тему. Что же касается собственно «Катка», здесь не последнюю роль сыграла сегодняшняя популярность танцев на льду и фигурного катания. Споры о том, что же это такое — искусство или спорт, не кончились и, по видимому, еще долго не кончатся, но факт остается фактом: коньки теперь вошли в наш «эстетический обиход».

— Когда состоится премьера?

— Думаю, что осенью, в начале нового сезона. Пока что номер требует еще длительной работы, плюс обычные для коллектива гастроли, по стране и за рубежом.

— Кроме «Катка», будут ли в осенней программе новые ваши постановки?

— Вероятно, будут.

— Какие?

Вопрос остается без ответа. Моисеев отвечает своей улыбкой — обаятельной и ироничной. Улыбкой мастера, который любит преподнести публике «художественные сюрпризы».